

Веч. клуб. - 1998. -
23 июля. - 45.

Веч. клуб

Они почему-то так любят друг друга

Эксперт "Золотой Маски" Елена Губайдулина размышляет о родственности оперного и кукольного театров.

Что такое опера — каждый понимает по-своему. Руководитель театра "Геликон" Дмитрий Бертман — сторонник активной режиссуры. Каждый его спектакль — действенное прочтение партитуры. Впрочем, о сближении оперы с драматическим театром говорено-переговорено достаточно. И въездливому, дотошному постановщику уже мала и эта территория. В "Геликоне" развивается другая тенденция — соединение оперной режиссуры с приемами театра кукол.

Но как ли это неожиданно и ново? Ведь опера и куклы своих родственных черт скрывать совсем не собираются. Оставим за скобками оскорбительное "держится на сцене, как кукла". Ведь стоит посмотреть на иных кукол и понять, что далеко не каждому актеру дано так приковать к себе зрительское внимание. Гораздо существеннее то обстоятельство, что и тот, и другой театр — организмы весьма утонченные, эстетические. Любая искусственная ситуация, изощренный сценический прием и в кукольном театре, и в оперном выглядят вполне естественно. В XVIII и XIX веках в Европе были весьма распространены кукольные труппы, специализировавшиеся на оперном репертуаре. Об оперных театрах, открыто апеллирующих к куклам, известно меньше.

Но есть опера, в сюжете которой проблема куклы рас-

смотрена глубоко и серьезно. Это "Сказки Гофмана" Жака Оффенбаха. Именно эту оперу и выбрал для своей новой постановки театр "Геликон". (Рождение этого спектакля ознаменовало начало сотрудничества театра с крупнейшей российской страховой компанией "Ингосстрах", ставшей генеральным спонсором "Геликона").

В либретто Жюль Барбье и Мишеля Карре, созданного по мотивам новелл Гофмана, кукольная тема наиболее отчетливо читается в истории Олимпии — красавицы-автомата, созданной виртуозным мастером. У Дмитрия Бертмана размышления о том, кто кукольник, а кто кукловод, управляющий всем сущим, проходят через весь спектакль. Мир, созданный изстуженным воображением Гофмана (Вадим Запечный), ловеще оборачивается против него. Муза (Лариса Костюк) и дьявол (Сергей Топтыгин), принимающий обличья злых волшебников, — и светлая, и темная стороны единой души поэта и его творения. Но их власть над человеческим существом сильна и опасна. Поэт — пленник собственных иллюзий. Черные ленты-поводья оказываются в руках массовки (духи вина и пива), чья механистичность подчеркнута с самого начала. (Чего стоят одни ладони хористов, приставленные к стеклянным стенам и кажущиеся самостоятельно движущимися предметами). Не устае

раскидывать нити и дьявол. Их ловит кукла Олимпия (Мария Андреева), бесстрастно управляющая Гофманом. Крутятся превращает красотку в седую ведьму, с упоением вертящую в руках манекен — все, что осталось от Гофмана в одном из его страшных снов.

Остальные возлюбленные поэта — и Антония (Елена Калчура), и Джульетта (Елена Ионова) — отражения дьявольской куклы. Те же затейливые кринолины, выделяющиеся на черно-белом фоне спектакля (художник Игорь Нежный и Татьяна Тулубова). Те же томные манеры, варьирующиеся от фарфоровой игрушечности до лукавого кокетства...

В то время, пока оперный театр задумывается о кукольных мифологемах, театр кукол грезит оперой. Один из самых известных театр "Тени" дошел даже до того, что решил изменить название на "Тени оперы". Маленький театр мечтает о помпезном стиле. Многие помнят, как пышно, по всем законам театральной феерии была представлена опера "Два дерева" (в рамках гастролей Большого Лиликанского театра, состоявшихся благодаря фантазии руководителей "Тени" Майи Краснопольской и Ильи Эпельбаума). Проекцией оперы на кукольный театр оказалась и постановка "Иоланты" П. И. Чайковского. Несмотря на то, что все роли исполняет одна певица — Наталья Баранникова,

все устроено как в настоящем большом театре. Крошечная площадка огорожена картонными ширмами с нарисованными ярусами и балконами, есть оркестр, хор и все персонажи. Фигурки "артистов" напоминают детские, каракули. Но наряды вполне соответствуют представлениям об оперной роскоши. Кукольники мыслят метафорами. В роли метафоры может оказаться и эффектный фокус, и красивый трюк. Роберт, восхваляя свою "кипучую" Матильду, крутится волчком, в его руках брызжет искрами горящий бенгальский огонь. Венчает арию блестящий пассаж — взрыв конфетти из хлоплушки. Более точную визуальную аналогию бравурному шлягеру представить трудно.

Кукольники манипулируют операми, как предметами. Словно побывав в шляпе фокусника, знакомые, популярные произведения оказываются неузнаваемыми. В "Тени" идет "Лебединое озеро" Чайковского — но не балет, а опера. Спектакль представлен как реконструкция домашнего спектакля, разыгранного когда-то в компании друзей Чайковского. (А может быть, все действительно было именно так, и надо отбросить должное исследовательскому пылу постановщиков?)

Примечательно, что вместе с Натальей Баранниковой в "Лебедином" поет солист "Геликона" Алексей Косарев (в "Сказках Гофмана" он ис-

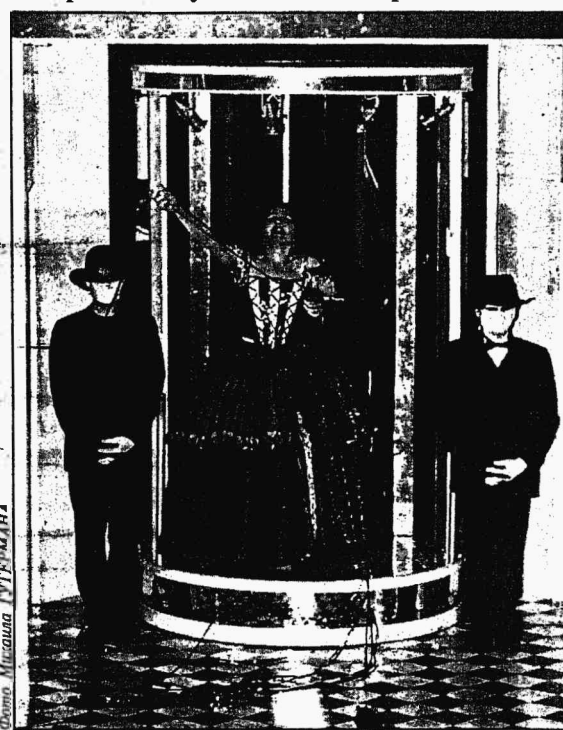

Фото Михаила ГИТМАНА

полняет папашу Олимпию Спаланцани, переодетого в мамашу). Певцы вполне естественно чувствуют себя среди кукольных парадоксов и перевертышей. Марионетки, силуэты, тени вторгаются в оперу и настойчиво "заказывают музыку", меняя параметры, масштабы и привыч-

ные смыслы. Куклы и подсмеиваются над оперными штампами, и ежесекундно подчеркивают восхитительную иллюзорность любимого жанра.

На снимке: сцена из спектакля "Сказки Гофмана" в "Геликон-опере".